



ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ



Философия и образование



**Продолжаем публикацию материалов
Философского Форума «Философия и образование»
(см.: «Философские науки». 2009. № 8).**

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЕКТЫ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

Если хотя бы в общих чертах вспомнить все то, что связывает философию и образование на протяжении последних двух с половиной тысячелетий сначала греческой, затем римской, арабской, европейской и, наконец, всемирной истории, то станет ясно, что эти отношения сложны и «нелинейны». Философы неоднократно и весьма существенно влияли на образование, участвовали в формировании его целей, ценностей, структуры и содержания. Помимо непосредственного участия в образовательных практиках, можно выделить также прямое и косвенное воздействие философских идей и целых учений, не говоря уж о создаваемых философами интеллектуально-аналитических технологиях.

Когда ставится вопрос об отношениях между философией и образованием, то сразу же возникает желание обобщить, сформулировать, определить через функции и т.п. Но отношения между философией и образованием вовсе не являются однозначными и гармоничными. Напротив, они сложны, многогранны и зачастую выглядят крайне запутанными. Ведь при ближайшем рассмотрении под титулом философии в случае интеракции между нею и образованием мы обнаруживаем бесчисленное количество очень разных, иногда альтернативных интеллектуальных практик. Да и образование – это множество институций, возникших в разное время и по разному поводу, а затем еще претерпевших определенную и весьма существенную эволюцию. И вот эти философские практики встречаются с образовательными в рамках соответствующих институтов. Они

наполняют образовательный процесс идеями, текстами, девидами, причем не обязательно философскими, модернизируют язык и риторику, непредсказуемо влияя на различные институционально-образовательные структуры. Объектами такого непредсказуемого влияния становятся не только строение и содержание учебных курсов, не только представления о наборе нужных компетенций, воздействие философских практик испытывают легальные административно-управленческие и иные властно-политические структуры.

В процессе функционирования образовательных институтов в условиях социальных изменений с неизбежностью происходит рождение новых смыслов и контентов, зачастую девалявирующих сложившиеся порядки дискурса и системы действия. Их утилизация или консервация также может стать объектом философского осмысления и опираться на критическую рефлексию: одни философские учения включают в себя конструктивные программы изменения жизни в целом и образования, в частности, тогда как другие являются нигилистическими по своей сути. Как правило, отправным пунктом создания нового философского учения выступают не только и столько чьи-то интуиции и теоретические построения, сколько их реализации в жизни и, главным образом, в образовательных практиках. Так было и с пресловутой схоластикой, и с не менее пресловутым марксизмом — список можно легко продолжить.

Хорошо известно, что в процессе образовательной деятельности с философами и их идеями редко обходятся бережно. Разработчики учебных курсов спонтанных, дерзких и даже скандальных философов выстраивают в ряды, позволяющие иллюстрировать некую логическую последовательность, демонстрировать развитие то ли идеи, то ли схемы. Но вот вывести из этой последовательности продолжение, предсказать дальнейший ход вещей, вычислить будущее почему-то никому еще не удавалось. Отсюда и та растерянность, которая наступает всякий раз, когда по-старому уже нельзя, а новое смутно и неопределенно. Кажется, только сами философы смогут понять, что именно несет нам день грядущий. Угадать, прозреть, увидеть, получить откровение...

Вопрошатель бытие, проникать в суть вещей, готовиться к смерти — это и есть традиция философствования. Можно искать в этом «вечном» культурном образе философии, совпадающем, кстати, с ее самоописанием, основания для схематизации образовательной функции философии. Нечто вроде «на-

уки о предельно общих законах природы, общества и познания». Философия, таким образом, укрепляет и направляет, указывает путь и даже контролирует.

Но есть и иная точка зрения, согласно которой период господства философии в системе знания и познания давно прошел, и сегодня эта традиция может быть полезна, конечно при условии успешной модернизации последней. Отсюда и призыв: трезво оценить потенциал и познавательные ресурсы философствования, «пристроить» философию к нуждам эпохи, сделать ее более функциональной и продуктивной в условиях торжества научного знания.

И первая, и вторая позиции могут быть проиллюстрированы многочисленными примерами из жизни. Несть числа попыткам понять смысл настоящего и узреть образ грядущего, что должно иметь судьбоносное значение, изменив всю систему целеполагания и повседневной деятельности. Когда Хайдеггер утверждал, что его смогут понять лишь через триста лет, он как будто заявлял, что увидел нечто такое, что имеет отношение не только к истине, но и к будущему. Его «открытие» как бы давало ключ к пониманию будущего или, по крайней мере, к пониманию того, что станет общедоступным через столетия. Но то, что открыто заявил Хайдеггер, незримо присутствует в огромном количестве философских предприятий и свершений, известных и неизвестных, забытых и ставших достоянием истории. И, несмотря на всю нищету и тиражность современной футурологии, этот вид философской (или квазифилософской) деятельности долго еще будет определять нерв взаимодействия философии и образования.

Утилитарное отношение научно-образовательного сообщества к философии также явлено достаточно отчетливо. Еще во времена патристики, когда шли споры о том, надо ли считать философию языческим заблуждением или она может быть полезна христианскому богопознанию, ей была отведена роль средства выполнения тех задач, которые ставились религией. Затем, в эпоху торжества научного разума, шефство над философией перешло от религии к науке, и философы стали разрабатывать научный метод, теорию познания и т.п. Идея самодостаточной философии и идея полезной философии всегда конкурировали друг с другом, что не привело к победе ни одной из них. Их конкуренция самым непосредственным образом повлияла на понимание взаимоотношений между философией и образованием, спроецировав на них модели отношений между философией и

наукой. Либо философия постигает универсальные истины и творит вечные ценности: тогда задача образования — обеспечить доступ к сокровищам философской мысли, хранить и распространять их. Либо философия помогает образованию быть эффективнее в решении своих собственных задач, например, служить целям научного или социального прогресса.

Сегодня в российском обществе, несомненно, возоблада-ла вторая идея, чему всемерно способствовало осознание необходимости очередной догоняющей модернизации экономики, общества и самого образования. Раздающиеся же голоса о том, что советское образование было самым лучшим в мире и надо просто его сохранить, не находят отклика ни у властной элиты, ни среди широких масс просвещенной общественности. Но и в том случае, когда кажется, что философия что-то должна образованию, науке, обществу, это требование может быть прочтено по-разному. Можно обязать философов систематизировать научные знания, совершенствовать методологический реквизит, осуществлять критическую рефлексию и социальное проектирование. И соответственно в сфере образования — найти свое место в процессе перестройки учебного процесса, помочь преодолеть устаревшую форму гумбольтовского университета, внедрить компетентностный подход и др. Все так, но можно увидеть и другую перспективу. История науки и образования дает основания предполагать, что во время радикальных перемен в жизни человека и общества возникает потребность в не менее радикальной модернизации науки и образования: новые познавательные практики, новые способы производства знания и, самое главное, новые науки. Возникновение новых наук совершенно иным образом определяет содержание отношений между философией и образованием. Не будем забывать, что и галилеевская наука, и контовская социология, и многие другие науки — это философские проекты, изменившие повседневную практику образования не менее радикально, чем хозяйственно-экономическую и социально-политическую.

Таким образом, создание нового философского проекта, подразумевающего совершенно иную технологию получения знания и способы его применения в различных областях человеческой деятельности, вновь вывело бы отношения между философией и образованием в иную степень глубины и интенсивности. Особенно если при этом учесть, что гуманитарные науки, по сути, так и не отделились от философии, по крайней

мере, в той степени, в какой отделились науки естественные и социальные. Собственно говоря, социальные науки и появились как проект технологизации и операционализации гуманитарного знания по аналогии с науками естественными.

Дело в том, что и естественные науки в Новое время существенно отличаются от античного и средневекового естествознания не только точностью, строгостью и поразительной эффективностью. Сам факт эффективности этих наук не является дополнительным и нечаянно приобретенным ценным качеством. Так называемая научная революция Нового времени помимо привнесения в исследовательскую практику пресловутого экспериментального метода, позволила создать и настолько новую физику, что называть ее правопреемницей перипатетической физики кажется все менее правомерным. Не случайно Гёте и романтики обвиняли Галилея в том, что он подменил физику механикой и созданная им наука не изучает природу, а разрабатывает способы овладения последней. Даже Гуссерль в поздний период творчества все чаще писал о математическом естествознании, а не о физике, считая методическую индукцию, применяемую Галилеем теорией, выросшей из метода и из задач, а не из предмета исследования.

Распространение на сферу сведений о человеке, его внутреннем мире и истории теоретико-методологических идеалов объективности, законосообразности и точности привело в последние два столетия к рождению социологии, психологии, криминалистики, экономики, политологии, лингвистики, семиотики, культурологии, социальной и культурной антропологии и т.п. Их появление не только способствовало существенному углублению знаний человека о нем самом и сферах его деятельности, но и позволило самым кардинальным образом усовершенствовать и рационализировать собственные действия в этих сферах. Если галилеевская физика открыла невиданные возможности в процессах технического конструирования и преобразования природы, то социология и психология сделали невозможное в сфере управления и совместной деятельности. Не стоит ли мир сегодня на пороге третьего масштабного прорыва, сопоставимого с вышеназванными?

Древняя этика позволяла рационализировать персональное целеполагание, сделать его предметом обсуждения, связать с некой теорией мира и выводимыми из нее принципами. Древняя политика также представляла собой учение о правильном и обо-

снованном выборе целей, только, в отличие от этики, в политике речь шла уже о коллективных целях. Социология и психология — это объяснение человека исходя из внешней и внутренней реальностей, формирующихся естественным путем, подчиняющихся соответствующим закономерностям социальным и психическим. Таким образом, рационализация на основе психологии и социологии качественно отличается от рационализации на основе этики и политики. Здесь уже не идет речь о том, какие выбирать цели — социологи и психологи ищут кратчайшие пути их достижения и предупреждают об опасностях, предостерегающих на этих путях. Поэтому социология и психология могут мирно сосуществовать с философскими и религиозными учениями об общественном идеале и идеале личностном, но в то же время создают соблазн распространить полученные технологии на сферу должного, проектировать личность и ценности.

Психология в первые десятилетия своего существования стремилась быть предельно натуралистической, да и социология генетически оказалась связанной с позитивизмом, историческим материализмом, функционализмом. То же самое можно сказать о лингвистике и семиотике, политологии и культурологии. Результатом развития всех этих наук становятся теории, построенные в виде дедуктивно-аксиоматических схем, где роль аксиом выполняют то ли принципы, то ли законы, то ли положения, являющиеся и первым, и вторым вместе. Выявленные генеральные закономерности позволяют не только объяснять прошлое и настоящее, но и прогнозировать будущее, что позволяет говорить о воплощении во всех этих областях знания главного эталона научности.

Но постепенно, по мере развития социальных наук в них стало «прорастать» нечто чужеродное, не соответствующее их исходному замыслу, но зато связанному с самой природой человека и его самопознания. Речь идет о влиянии гуманитарной традиции, которую трудно назвать научной без существенных оговорок. Более того, ее трудно уловить в сеть понятий, категорий и описаний, ибо она самодостаточна, существует сама по себе и вне институтов современной науки, хотя ее влияние, особенно в кризисные эпохи, оказывается весьма значимым. Ее исследованием неоднократно занимались философы, но все попытки ее превращения в «строгую науку» пока не увенчались успехом.

Не до конца научный характер этой интеллектуальной традиции, способной создавать ценности и открывающей путь к

постижению уникального в его уникальности каждый раз преодолевался по-разному. Противопоставление чистого и практического разума, попытка концептуализации воли и, наконец, противопоставление понимания объяснению — вот лишь неполный перечень попыток справиться с тем, что сегодня называется проблемой субъективности социально-гуманитарных наук. Действительно, почему по мере развития социальных наук, которые замышлялись как позитивные и предельно объективные, все большее значение стали приобретать такие направления и парадигмы как феноменология, герменевтика, понимающая социология, онтопедагогика, недирективная психология и т.п.? Видимо обращение к этой не скованной дисциплинарными запретами и методологическими предписаниями практике позволяет познавать особые предметы, уникальные по своей сущности: смыслы, ценности, идеалы. Близость к этой традиции, не подчиняющейся строгим дисциплинарным запретам и четким методологическим предписаниям, и по сей день составляет специфику гуманитарных наук, таких как филология, история, поэтика. Другой отличительной особенностью, как уже отмечалось, служит неотдифференцированность философского знания, философских установок и интуиций, содержащихся и в структуре, и в содержании этих наук.

Сегодня становится все более зримой потребность в новой великой концептуализации, которая позволила бы технологизировать еще одну важнейшую сферу человеческой деятельности. Я имею в виду сферу, которую с некоторыми оговорками можно было бы назвать знаменитым термином Гуссерля, т.е. жизненным миром. «Лабиринт идентичностей», в котором человек оказался не по своей воле, ставит перед наукой принципиально новую задачу научить его выходить из этого лабиринта, причем не единожды. На протяжении всей жизни нашего современника от десятилетия к десятилетию эволюция его взглядов, мнений и убеждений помноженная на разнообразные внешние влияния заставляет его все время возвращаться к вопросу о том, кто он такой. И все меньше шансов найти ответ на него, примкнув к какой-то группе или какому-то движению, освоив какой-то образ или какую-то модель. Если прежде независимость и самостоятельность в суждениях, оценках и принятии решений была в ранге добродетели, к которой следовало стремиться, то сегодня состояние независимости становится, как ни странно это звучит, вынужденным и единственно возможным. Адлитель-

ное и неизбежное пребывание человека в этом состоянии переводит потребность в соответствующих гуманитарных технологиях в разряд фундаментальных.

Как утверждалось ранее, инструментом для реализации данного философско-образовательного проекта решения проблемы «ловушки идентичностей» должны выступить гуманитарные науки, находящиеся в стадии рождения. Среди наиболее вероятных претендентов на эту роль постчеловеческая персонология¹, ставящая перед собой задачу изучения феномена свободы в изменившихся условиях и разрабатывающая средства для ее обеспечения. Интересны также идеи М. Эпштейна о необходимости разработки целого комплекса частных гуманитарных наук, таких как тегиминология, гуманология, культуроника, стереоэтика, хоррорология и др.²

Представляется существенным, что для решения поставленной задачи необходимо будет решить важнейшую проблему, связанную с особым типом онтологии, лежащим в фундаменте гуманитарного знания. Речь идет об онтологизации уникального, имеющей важнейшие теоретические и методологические следствия³. И здесь главным средством должны выступить образовательные практики, доверие к которым может стать ключом к успеху.

Известный исторический анекдот повествует о том, как заплакал египетский фараон, узнав об изобретении письменности и предвидя расставание с дописьменным обществом — целым миром, в котором все было органично и которого также не стало целиком. Сегодня впору оплакивать «идентичностное» общество как величайшую драму современности. «В наши дни на рынок выводятся мечты, чаяния и надежды потребителей, их представления о себе, какими бы они хотели стать. Не просто идентичность, а идентичность о себе, чаемом, хорошем. Бренд — не просто социальный миф, а миф индивидуализированный. Брендинг — технология тотального и глобального самозванства»⁴.

Пионеры неосамозванства оказались в пространстве моральной невесомости не по своей воле. Этот новый вид моральных преступлений — самоидентизванства — возник на почве перехода от «идентичностного» общества к новой макросоциальной форме. Эту форму социальности можно было бы называть «постидентичностным», или «полиидентичностным», или даже «переменно-идентичностным» обществом. Хотя, быть может, речь идет уже не об обществе, а о рождении постсоциальных форм жизни,

об окончательном укрощении стихии социального с его зависимостями и специфически социальными (небиологическими) видами насилия. Но, скорее всего, общество справится и с этой напастью. Более того, избавление придет оттуда же, откуда пришла опасность: технологизации должна подвергнуться сфера жизненного мира как места, где творится идентичность. Не пространство самосознания личности и не поле чистой субъективности, а мир значений, смыслов и очевидностей, имеющий интерсубъективную природу, данный индивиду в персональном и коллективном опыте, может стать объектом технологизации.

Технологизация «идентичного пространства» может идти двумя разными путями. Первый путь соответствует перефразированной формуле: если идентичности нет, то все позволено. Действительно, можно ради избавления от ситуации «лабиринта идентичностей», ради выхода из ловушки идентичностей забыть обо всем, кроме поставленной задачи. Тогда неизбежно превращение средства в цель. Самозванство как способ достижения целей, поставленных в рамках прежней, т.е. исходной идентичности — не самое худшее, что может произойти в этом случае. Не меньшую угрозу представляет собой вариант непредвиденной утраты контроля над собственной идентичностью, вызванной каким-либо вмешательством извне или же собственными неудачными инициативами.

Второй путь — это путь, указаний и ограничений, связанных с кантовским категорическим императивом, правда, перетолкованным в связи с изменившимися «обстоятельствами» на новый лад. Теперь уже не только другого, но и себя самого нельзя рассматривать как средство. Особенно в условиях, когда словосочетание «себя самого» теряет привычную ясность, определенность и идентичность.

И, наконец, последнее, позволяющее вспомнить о том, что статья посвящена образованию. Рискну высказать предположение — образованию в проекте, соответствующем второму пути отводится роль и поводыря, и надзирателя, и локомотива. Точно так же, как потребности механики и технического конструирования обеспечили прежде невозможный союз математики и физики в рамках экспериментального метода Галилея, точно так же, как потребности управления обществом обеспечили встречу истории, филологии и биологии в рамках создания научного общественнознания (социология, психология, менеджмент), также задача «придания образа» могла бы организовать сферу лично-

го опыта с различными технологиями знания, а также породить новые. Кстати, роль образования в формировании античной классики до сих пор еще не осмыслена в полной мере.

То, что именно практический разум образовательных практик главенствовал над чистым разумом философских теорий не только в учебных заведениях (Мыслительня, Академия, Ликей), кажется общеизвестным. Но вот на то, что этот самый практический разум через процедуру формулирования целей, формировал и структуру, и содержание теоретического знания, обращали внимание крайне редко. М. Фуко утверждал примерно то же, когда писал о смещении акцента в понимании смысла античной философии. «До настоящего времени проблема субъекта и его понимания звучала иначе: согласно Дельфийскому ораклу, “познай самого себя”. Однако призыв к самопознанию всегда сопровождался требованием “проявить заботу о самом себе”»⁵. Далее французский философ обосновывает идею о том, что забота о себе — это главный момент философствования и рождается он из повседневных образовательных практик.

Развитие третьего направления взаимодействия философии и образования не препятствует первым двум и не изменяет их конфигурации. Соединение в контексте образовательных практик сферы фактического и сферы значимого, умение обращаться со знаниями, относящимися к сфере фактического и, в то же время, играющими фундаментальную роль в процессе обретения идентичности могут и должны стать не менее масштабным событием, чем то, которое произошло в эпоху Возрождения, когда закладывались основы современной гуманитарности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. — СПб., 2002.

² См.: *Энштейн М.Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.

³ См.: *Шаповалов В.А., Пржиленский В.И.* Две культуры знания в истории науки и образования: онтологические предпосылки и методологические следствия // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 1. — С. 5 — 16.

⁴ *Тульчинский Г.Л.* Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. — С. 51.

⁵ *Фуко М.* Герменевтика субъекта // СОЦИО-ЛОГОС. — М.: Прогресс, 1991. — С. 284.